Художественная условность наиболее выразительно обнаруживается в том, как песня по существу отказывается от сколько-нибудь определенной характеристики происшедшего конфликта, от выяснения его причин и обстоятельств. Песня как бы заставляет нас домысливать, угадывать за предельно сжатым, эмоционально напряженным сопоставлением оторвавшейся ягодки с одиноким добрым молодцем, за изображением его горестной судьбы резкое и непримиримое столкновение двух мировоззрений, заставляет ощутить неудовлетворенность героя окружающим, желание его жить «по-своему».

А «Повесть о Горе-Злочастии», с ее более определенными и точными характеристиками, с распространенными описаниями, если и не может служить прямым комментарием к песне, то во всяком случае помогает понять отчетливее и глубже смысл ее конфликта. В этом плане «Повесть» не *просто литературная параллель к песне. «Повесть» говорит о событиях*, которые сами по себе в своих реальных основах представляют своеобразную параллель к тому комплексу жизненных явлений, который стал предметом песни.

Если народная песня не всегда озабочена необходимостью воспроизвести явление во всей его зримой конкретности и фактической точности, то зато она всегда дает изображаемому определенную оценку. Самый подбор образов, тон, эмоциональный настрой нашей песни в этом отношении совершенно определенны: песня полна сочувствия к герою, она целиком на его стороне в этом конфликте. И хотя в песне нет прямого осуждения той среды, с которой порвал герой, но нет также и намека на то, чтобы заставить его покаяться и смириться. Добрый молодец исполнен чувства скорби:

А ныне уж молодцу
Кручина великая
И печаль немалая,

и он уходит, окончательно порывая с тем миром, который стал ему чужим. И здесь народная песня оказывается свободной от того груза традиций, страха перед силами старины, которые в определенной степени присущи «Повести». В полной мере это проявляется во второй части песни, которая повествует о дальнейшей судьбе героя.

На первый взгляд может показаться, что подобно герою «Повести о Горе-Злочастии» песенный добрый молодец уходит «на чужу дальну сторону» в поисках счастья. В известной степени это так. Однако тема второй части песни связана прежде всего с другим, более глубоким и сложным народным замыслом, который раскроется в ходе анализа. Сюжет этой части вполне условный. Действие переносится здесь в некое эпическое место; в песне появляются образы, как-то связанные с былинным *эпосом, хотя ни о каком переходе в былину здесь речи быть не может.* Былинные реминисценции носят отнюдь не внешний характер, они играют в песне очень важную роль, служат художественной реализации народного замысла.

С того момента, как добрый молодец решает уехать на чужую сторону, в его облике появляются черты богатыря. Он берет «добра коня стоялого», седлает его на богатырский манер. Эта подробность проливает свет на отношение песни к разрыву, который произошел у доброго молодца с окружающей средой. Можно было бы сказать, что разрыв этот песня рассматривает как подвиг, как рождение нового богатыря, героя. Следующий эпизод полностью подтверждает сказанное. Добрый молодец оказывается